

Сточасовая война между Индией и Пакистаном

«Практика ядерного сдерживания основывается на вполне реальной возможности катастрофы», – пишет Анкит Панда, аналитик Фонда Карнеги и эксперт по вопросам ядерной политики. «Если в условиях кризиса нет риска, что ситуация выйдет из-под контроля и будет применено ядерное оружие, сдерживание просто не работает. Сам риск – ключевой элемент той выгоды, которую политики и принимающие решения лица часто связывают с обладанием ядерным арсеналом» (“The New Nuclear Age”, 2025). По мнению индийского военного аналитика, именно призрак возможного ядерного кризиса вокруг Кашмира сыграл решающую роль в том, что в противостоянии между Индией и Пакистаном, длившемся с 7 по 10 мая прошлого года, удалось остановить эскалацию «на третьем раунде» – прежде чем конфликт окончательно вышел из-под контроля.

Сточасовая война и кашмирский вопрос

Столкновение, получившее название “Сточасовая война”, произошло между двумя державами, обладающими сопоставимыми ядерными арсеналами – примерно по 160–170 боеголовок у каждой. Однако в экономическом, военном и демографическом отношении это противостояние между державой “среднего веса” – Пакистаном – и “тяжеловесом” Индией. Развести противников по углам, пусть и не без колебаний, удалось администрации Трампа. Без особой дипломатической деликатности, по крайней мере в отношении Дели, Вашингтон открыто предложил своё посредничество и услуги для урегулирования кашмирской проблемы.

По словам премьер-министра Нарендры Моди, военные действия Индии были ответом на «акт войны» – нападение, совершённое 22 апреля в контролируемом Индией Кашмире. Моди утверждает, что конфликт лишь «приостановлен» и отрицает, будто решение об остановке боевых действий было принято под давлением со стороны США, сопровождавшимся торговыми угрозами. Исламабад, напротив, приветствует вмешательство Вашингтона и заявляет, что, нанеся удары по индийской территории 9–10 мая, просто «восстановил сдерживание». Этот эпизод, с одной стороны, подтверждает, что, будучи неразрешённым с 1947 года, вопрос Кашмира зашёл в тупик, а с другой – демонстрирует провал, по крайней мере частичный, наступательной стратегии Дели.

Незавершённый раздел

По мнению Жана-Люка Расина, эксперта по Южной Азии из Французского центра научных исследований и автор работы “Cachemire” (2002), корни кашмирской проблемы уходят в «синдром Раздела» – кровавое рождение Индии и Пакистана – и свидетельствуют о «незавершённом» характере формирования двух национальных государств. Кашмир, входивший в состав Британского Раджа, был одним из более чем «пятисот княжеских государств», разбросанных по индийскому субконтиненту, которым в 1947 году предстояло выбрать, к какому из двух новых государств присоединиться. Расположенный на перекрёстке различных исторических влияний, регион пережил эпоху исламской монархии (XII–XV вв.), владычество империи Великих Моголов до 1751 года, затем афганскую династию Дуррани до 1820 года, а после – сикхскую династию Сингх-Догра, впоследствии принявшую индуизм и управлявшую краем с разрешения британских властей. Осенью 1947 года про-пакистанские исламистские ополченцы оккупировали половину территории, после того как последний мараджа – Хари Сингх – согласился на вхождение Кашмира в состав Индийского Союза.

Индийская военная интервенция положила начало первой индо-пакистанской войне и привела к фактическому разделу региона по линии прекращения огня в 1949 году. Принятая ООН резолюция, предусматривавшая проведение референдума по вопросу территориального распределения, так и осталась невыполненной – хотя бы из-за претензий Индии выйти на границы времён Британской империи в Гималаях. В 1963 году, после поражения Дели в пограничном столкновении с Китаем осенью предыдущего года, Исламабад уступил Пекину незаселённую часть своей территории в Кашмире, сделав вопрос трёхсторонним. Летом 1965 года Исламабад вновь попытался силой аннексировать индийский Кашмир, но потерпел поражение: индийские войска вторглись на территорию

Пакистана, подойдя вплотную к Лахору. Посредничество СССР в Ташкенте в 1966 году позволило восстановить статус-кво 1949 года. В 1971 году Индия нанесла Пакистану сокрушительное поражение, поддержав отделение Восточного Пакистана, ныне – Бангладеш. Однако, по мнению Кристофа Жаффрело, эксперта по субконтиненту, Индия не решилась на аннексию всего Кашмира – её сдержал *«зарождающийся китайско-американский альянс»*. Пекин привёл в боевую готовность свои вооружённые силы, а Вашингтон направил авиацию и флот в Бенгальский залив. Хотя эти державы признали независимость Бангладеш, они не стали бы мириться с *«экзистенциальной угрозой»* для Исламабада и потенциальным распадом Западного Пакистана. Вероятно, такую позицию разделяла и Москва (С. Jaffrelot, *“Le Pakistan”*, 2000; S. Raghavan, *“1971”*, 2013).

Националистические нарративы

В 1972 году Индия и Пакистан подписали Симлское соглашение, официально закрепив раздел и обязавшись решать конфликт исключительно мирным путём и на двусторонней основе. Пакистанская сторона считает, что соглашение было навязано ей под давлением – Дели удерживал почти сто тысяч пакистанских военнопленных. Уже в 1974 году Индия провела своё первое ядерное испытание. Пакистан же смог создать собственную ядерную инфраструктуру лишь к 1986–1987 годам, и до испытаний 1998 года, как и Индия, предпочитал сохранять *«скрытую боеготовность»*. Параллельно Исламабад активно развивал ракетный арсенал (F. Khan, *“Eating Grass”*, 2012; A. Small, *“The China-Pakistan Axis”*, 2015).

По мнению Расина, основой *«тесного стратегического союза»* между Пекином и Исламабадом являются соображения баланса сил и экономические интересы. Дели вынужден просчитывать риск *«конфликта на два фронта»* и опасается усиления китайского экономического влияния на всей территории Кашмира – через так называемые китайско-пакистанские *«экономические коридоры»*. Для Исламабада идея национального единства неразрывно связана с про-пакистанским сепаратизмом в Кашмире: он служит подтверждением существования индийской и индуистской гегемонистской воли, направленной на подавление мусульманских общин на субконтиненте, и оправдывают доминирующее положение армии в политической системе Пакистана. Идеология хиндутва – так называемая *«индийскость»*, используемая БДП, – включает в себя концепцию Аханд Бхарат, или *«неразделённую Индию»*. В этом свете индуистский национализм совпадает с цивилизацией хинду, культурно-историческое влияние которой простирается от Гималаев до Шри-Ланки. Но это также подразумевает негласное утверждение превосходства индуизма над другими религиями.

Пытка “тысячи порезов”

После начала афганского конфликта в 1979 году и обретения минимального ядерного потенциала в 1987-м, пакистанские вооружённые силы начали вести в Кашмире асимметричную войну. В индийских источниках эту стратегию называют *«пыткой тысячи порезов»*. В 1989 году к ней добавился фактор массовых социальных протестов. По индийским оценкам, с 1990 года в этом конфликте низкой интенсивности, периодически переходившем в острые фазы (например, в 1999 году во время каргильского противостояния, унёсшего около 3000 жизней), общее число погибших составило порядка 80 тысяч человек.

С 2016 года, при премьер-министре Нарендре Моди, Дели реализует новую доктрину борьбы с пакистанской прокси-войной: нанесение целевых ударов силами спецназа и ракетными средствами по лагерям подготовки кашмирских сепаратистов, в том числе на территории Пакистана. В феврале 2019 года перестрелка между двумя странами обернулась ядерной тревогой: были приведены в боевую готовность индийские подлодки с баллистическими ракетами и активировано пакистанское ядерное командование. Решение Индии о лишении Кашмира автономии и передаче региона под прямое управление из Нью-Дели стало, с точки зрения Исламабада, откровенным вызовом. Пакистан опасается, что за этим последует попытка изменить демографическую структуру региона путём стимулирования индуистской иммиграции.

Восхождение “доблестного дракона”

По мнению ряда наблюдателей, отдав приказ об атаке 7 мая, индийские власти стремились продемонстрировать силу сразу на нескольких фронтах, задействовав новейшие французские истребители Rafale с ракетами SCALP, поступившие на вооружение ВВС Индии в 2020 году. Это стало символом военного усиления страны, чьи оборонные расходы составляют 75 миллиардов долларов США – второе место в Азии после Китая и шестое в мире.

Однако операция не оправдала ожиданий: согласно имеющимся данным, в воздушном бою, длившемся около часа, пакистанские ВВС сбили от трёх до пяти индийских самолётов, включая один Rafale. Важную роль сыграло появление в составе пакистанских ВВС китайского истребителя J-10, получившего прозвище «Доблестный дракон» и оснащённого ракетами класса “воздух–воздух” PL-15 с дальностью до 100 км. По оценкам наблюдателей, в своём первом боевом применении китайская техника успешно противостояла западной, восстановив баланс сил между Дели и Исламабадом. Индия была вынуждена нанести ответный удар: по позициям пакистанских радаров и авиабаз в районах Лахора, Равалпинди и Карачи были выпущены волны беспилотников израильского производства и ракеты BrahMos, совместной разработки с Москвой. В ответ, по информации издания *Nikkei*, Исламабад применил рой из 300–400 турецких беспилотников, а также нанёс ракетные удары по индийским военным базам, используя собственные носители национального производства.

Пределы могущества индийского слона

По мнению Раджи Мохана, хорошо информированного в делийских властных кругах аналитика, усилия Индии «выйти из угла», образованного пакистанским «ядерным оружием и терроризмом», начали приносить плоды: страна способна «наносить удары вглубь вражеской территории» и готова пересмотреть договор по Инду, регулирующий водные ресурсы между двумя странами, как инструмент экономического давления. Дели столкнулся с американской позицией, которая поначалу казалась нейтральной, учитывая участие США в «трёх войнах» – на Украине, в Газе и в тарифной войне. Однако по мере нарастания признаков эскалации, Вашингтон был вынужден вмешаться, что вызвало сильное раздражение в Дели. Посредничество подтвердило устойчивую взаимосвязь между Индией и Пакистаном – стратегический паритет, от которого Индия стремится освободиться. Теперь индийский слон вынужден признать, что не обладает «убедительным относительным военным превосходством», которого по-прежнему недостаточно, чтобы «навязать» свою волю Равалпинди – штаб-квартире пакистанского Генштаба.

По мнению П. Б. Мехты, редакционного советника *Indian Express*, идея «управляемой эскалации» – это «фантазия дилетанта-стратега», ведь в современной войне «редко какая сторона способна добиться решающего превосходства». Даже если Дели и «перешёл Рубикон», нанеся серьёзный удар по пакистанской военной инфраструктуре, это не помешало Исламабаду продемонстрировать как ракетный потенциал, так и возможности в «войне дронов». Вся конфронтация превратилась в «полигон для испытания новых технологий [...] между различными поставщиками вооружений», где обе стороны демонстрируют, что обладают «минимальными возможностями нести издержки без риска катастрофических последствий». Именно в этих пределах и сохраняется «хрупкий мир на субконтиненте». Кроме того, действия Дели не имели чётко обозначенной «политической цели», за исключением стремления сдержать пакистанский терроризм. Но это ставит под сомнение историческое стремление Индии к «стратегической автономии»: страна демонстрирует, что не контролирует ситуацию в собственном регионе, и рискует тем, что другие державы воспользуются «открытой раной» Кашмира как «клином для того, чтобы держать Индию на месте». Исламабад же, в свою очередь, вынужден признать, что Дели, остановив эскалацию «поскольку ему есть что терять», по-прежнему сохраняет «потенциал для роста». Индия же продолжает «переоценивать своё значение в мире». Иными словами, от «формирующейся великой державой» до великой державы де-факто индийскому Слону ещё предстоит пройти немалый путь.

Май 2025 г.